

УПОРЯДОЧЕНИЕ МАГНИТНЫХ КЛАСТЕРОВ В ПЛОСКОСТЯХ CuO₂ СВЕРХПРОВОДЯЩИХ СОЕДИНЕНИЙ 1-2-3

О.Н.Бахарев, М.В.Еремин, М.А.Теплов

Казанский государственный университет

420008 Казань, Россия

Поступила в редакцию 9 февраля 1995 г.

Обсуждается возможность упорядочения магнитных кластеров в плоскостях CuO₂ оксидных сверхпроводников типа 1-2-3, приводящего к образованию ферромагнитных проводящих лент. В качестве основного структурного фрагмента предлагается пятиядерный медный кластер с кислородной дыркой, имеющий спин $S = 2$ и немагнитное основное состояние $|0\rangle$, которое отделено от первого возбужденного состояния $|\pm 1\rangle$ энергией порядка 1 К.

В [1] было показано, что спин-решеточная релаксация ядер ¹⁶⁹Tm в сверхпроводниках TmBa₂Cu₃O_{6+x} (TmBCO_{6+x}) при достаточно низких температурах ($T \ll T_c$) протекает благодаря парамагнитным центрам (ПЦ) или парамагнитным медно-кислородным кластерам. Как оказалось, концентрация ПЦ, возрастающая по мере увеличения содержания кислорода x от 0 до 0,4, достигает наибольшей величины при переходе диэлектрик – металл, а при дальнейшем увеличении x до 1,0 резко падает. Сравнение полученной из экспериментов по ЯМР концентрации ПЦ $N_0(x)$ [1-3] и концентрации $n_p(x)$ носителей тока (дырок) в плоскостях CuO₂ [4] приводит к любопытному заключению (см. рис.1): при переходе диэлектрик – металл концентрации N_0 и n_p равны, как будто каждая дырка в плоскости CuO₂ связана с парамагнитным центром. Последующие эксперименты [5] показали, что кинетика восстановления продольной ядерной намагниченности тулия в образце TmBCO_{6,5} меняет свой характер в области низких температур: если при температурах ниже 1 К она описывается законом

$$1 - M_t/M_\infty = \exp[-(t/T_1)^{1/2}], \quad (1)$$

который характерен для трехмерного случайного распределения ПЦ в кристаллической решетке [6], то при $T > 2$ К подходящим оказывается закон

$$1 - M_t/M_\infty = \exp[-(t/T_1)^{1/3}], \quad (2)$$

свойственный двумерному распределению ПЦ [7]. Кинетика типа (2) определенно указывает на то, что образуемые дырками ПЦ действительно локализуются в соседних с ионами Tm³⁺ плоскостях CuO₂. Вместе с тем, изменение характера кинетики при глубоком охлаждении, вызванное кажущимся исчезновением ПЦ акцепторов в плоскостях CuO₂, естественно объясняется перераспределением населенностей уровней энергии ПЦ. Достаточно допустить, что ПЦ имеют целочисленный спин $S \geq 1$ и немагнитное основное состояние $|0\rangle$, которое отделено от ближайшего возбужденного (магнитного) состояния $|\pm 1\rangle$ энергией порядка 1 К [5].

Наличие парамагнитных центров, то есть магнитных дефектов, в антиферромагнитной решетке кислород-дефицитных соединений 1-2-3 само по себе неудивительно, поскольку эти соединения обладают разупорядоченной кристаллической структурой. Напротив, естественно ожидать, что разнообразие

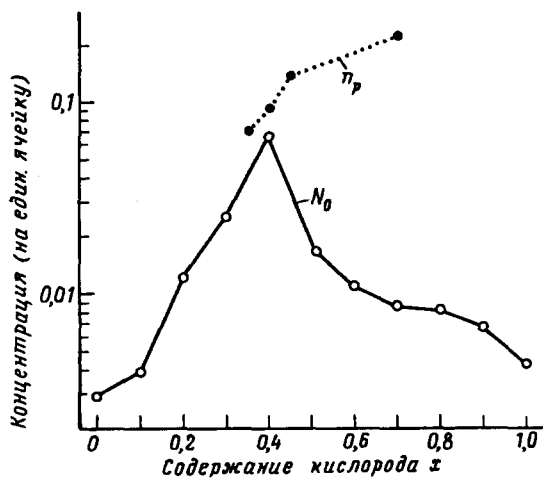

Рис.1. Концентрация парамагнитных центров N_0 (по данным ЯМР ^{169}Tm в TmBCO_{6+x} [1-3]) и концентрация носителей тока n_p в плоскостях CuO_2 ([14] - YBCO_{6+x}) в зависимости от содержания кислорода в плоскостях CuO_2 .

структурных дефектов, связанных с разупорядочением кислородной подрешетки, обусловит появление разнообразных магнитных дефектов. Действительно, измерения теплоемкости [8] и ЯКР $\text{Cu}(1)$ [9] дают основания предполагать, что в соединениях YBCO_{6+x} присутствуют также ПЦ с полуцелыми спинами $S = 1/2$ и $S \geq 5/2$. Мы хотим подчеркнуть здесь, однако, что в области перехода диэлектрик – металл основная доля ПЦ образована дырками в плоскостях CuO_2 и что эти центры имеют целочисленный спин и немагнитное основное состояние. Какова их возможная структура? Вероятными претендентами представляются нам ПЦ со спином $S = 1$ (дырка локализована на ионе меди $\text{Cu}^{3+}(2)$ [10]) и ПЦ со спином $S = 2$ (пятиядерные кластеры меди [11], см. рис.2а), причем первые выглядят менее вероятными, поскольку начальное расщепление уровней энергии иона Cu^{3+} обычно значительно меньше 1К [12]. Что же касается кластеров со спином $S = 2$, то у них энергетический интервал между уровнями $|0\rangle$ и $|\pm 1\rangle$ может составлять, согласно оценкам [11], от 0,6К до 2,3К. Другой аргумент (возможно, главный) в пользу того, что роль ПЦ в плоскостях CuO_2 играют кластеры со спином $S = 2$, следует из резкого спада концентрации $N_0(x)$ справа от перехода диэлектрик – металл, то есть в области x от 0,4 до 0,6, при возрастающей концентрации носителей тока в плоскостях CuO_2 (рис.1). В рамках гипотезы о перколяционной природе проводимости (и сверхпроводимости) слоистых купратов [13] зависимости $N_0(x)$ и $n_p(x)$ получают естественное объяснение, если допустить, что проводимость обеспечивается упаковкой в ленты элементарных "блоков" – кластеров со спином $S = 2$: при $x > 0,4$ количество одиночных (парамагнитных) блоков уменьшается, а ленты с делокализованными дырками оказываются зародышами проводящей фазы.

Известно, что сверхпроводящими являются не только хорошо отожженные образцы YBCO_{6+x} с $x \geq 0,35$, но и закаленные в жидком азоте, хотя у последних критическая температура T_c оказывается всегда ниже, а затем возрастает с течением времени хранения при комнатной температуре [14]. Этот эффект связывают обычно с процессом упорядочения атомов кислорода в плоскостях CuO_2 , приводящим к удлинению фрагментов цепей $\text{Cu}-\text{O}-\text{Cu}$ и дополнительному допированию дырками плоскостей CuO_2 [15]. Если допол-

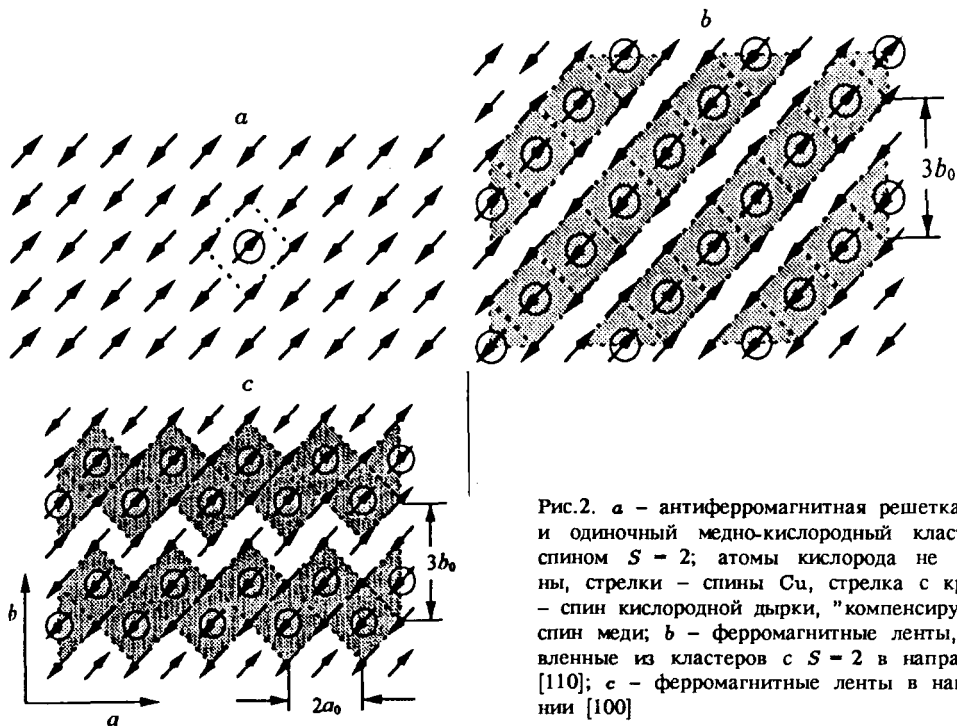

Рис.2. а - антиферромагнитная решетка CuO_2 и одиночный медно-кислородный кластер со спином $S = 2$; атомы кислорода не показаны, стрелки - спины Cu, стрелка с кружком - спин кислородной дырки, "компенсирующий" спин меди; б - ферромагнитные ленты, составленные из кластеров с $S = 2$ в направлении [110]; в - ферромагнитные ленты в направлении [100]

нителные дырки образуют новые кластеры со спином $S = 2$, конфигурация перколяционного кластера должна измениться. Поэтому наряду с упорядочением атомов кислорода в плоскостях CuO_x следует допустить возможность упорядочения перколяционных кластеров в плоскостях CuO_2 . Простейшая модель такого упорядочения показана на рис.2б. Заметим, что она напоминает модель, предложенную в [16], однако направление центральных спинов в них перевернуто. Это связано с тем, что обменное взаимодействие кислородной дырки со спинами меди превалирует над суперобменным взаимодействием спинов меди. Наблюдаемыми свойствами упорядоченной модели (рис.2б) должны быть очевидно, наличие волн зарядовой плотности в плоскостях CuO_2 и, как следствие, вариации кристаллического потенциала на редкоземельных ионах. В [17] сообщалось о наблюдении сканирующим туннельным микроскопом при $T = 20 \text{ K}$ рифленной поверхности скола кристалла YBCO_{6+x} ("цепочечного" слоя CuO_x) с периодом $13 \text{ \AA}$, приблизительно равным утроенному параметру решетки $3b_0$. Авторы [17] приписали наблюдаемые рифления волнам зарядовой плотности в цепях CuO , однако нельзя отрицать, что цепи CuO , в которых, как известно, атомы кислорода легко смещаются из положения равновесия (вплоть до $0,074 \text{ \AA}$ даже в образце стехиометрического состава $\text{YBCO}_{6,98}$ [18]), могли сыграть в данном случае роль индикатора волн зарядовой плотности в плоскостях CuO_2 . Во всяком случае, наблюдаемый период рифлений совпадает с тем, что следует из модели на рис.2,б.

Что же касается пространственных вариаций потенциала кристаллического электрического поля, связанных с флуктуациями зарядов $\text{O}(2,3)$ и $\text{Cu}(2)$, то они проявляют себя, например, в асимметрии линий спектра неупругого

рассеяния нейтронов на возбужденных состояниях Ho^{3+} в сверхпроводниках $\text{HoBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_7$ и $\text{HoBa}_2\text{Cu}_4\text{O}_8$ [19]. Подчеркнем, что упомянутая асимметрия была отмечена именно в сверхпроводящих материалах, причем не только в соединении 1-2-3, но и в соединении 1-2-4 с совершенной кристаллической структурой, поэтому она никак не может быть связана с разупорядочением кислорода в цепях CuO .

Идея одномерного упорядочения магнитных кластеров в плоскостях CuO_2 с образованием проводящих цепей (лент) не нова, впервые она была высказана в работе [20]. Главная особенность нашей модели состоит в том, что в ней в качестве основного структурного блока предлагается пятиядерный медный кластер с кислородной дыркой, которая переворачивает центральный спин меди. В результате выстраивания кластеров образуется ферромагнитная лента, в которой перемещение дырок не требует никаких затрат энергии, связанных с переворотами спинов меди.

Самый простой способ убедиться в существовании одиночных кластеров со спином $S = 2$ состоит в наблюдении соответствующих сигналов электронного парамагнитного резонанса (ЭПР). Поскольку с увеличением кислородного индекса ($x > 0,4$) количество одиночных кластеров быстро убывает, в опытах по ЭПР следует использовать образцы с $x = 0,4 \div 0,5$. Результаты таких опытов описаны в работах [21,22], где изучались, в частности, спектры ЭПР в закаленном кристалле $\text{GdBCO}_{6,5}$ (кислородный индекс определен здесь по температуре отжига, предшествовавшего закалке, $t = 1020 \text{ K}$ [22], согласно соотношению $6 + x = 7,44 - 1,27 \cdot 10^{-3} (T^* - 273)$ [23]). Оставляя в стороне возможную интерпретацию экспериментальных данных, предложенную авторами [22], и анализируя только сами результаты измерений спектров ЭПР $\text{GdBCO}_{6,5}$ при температуре 1,6 K, мы находим, что они неплохо описываются спиновым гамильтонианом

$$\mathcal{H} = g_{\parallel} \mu_B H_x S_x + g_{\perp} \mu_B (H_x S_x + H_y S_y) + D [S_x^2 - \frac{1}{3} S(S+1)]$$

с $S = 2$, $g_{\parallel} = 2,15$, $g_{\perp} = 2,0$ и $D/k = 0,9 \text{ K}$ и, следовательно, подтверждают наши предположения.

Как показали недавно исследования фотоэлектронных спектров кристалла $\text{Bi}_2\text{Sr}_2\text{CaCu}_2\text{O}_{8+x}$ [24], проводящие плоскости CuO_2 характеризуются наличием сверхструктуры (2×2). С этим наблюдением согласуется форма ферромагнитных лент, показанная на рис.2с. Такая геометрия проводящих лент накладывает ограничение на "разрешенные" направления волновых векторов носителей тока ($\mathbf{k} \parallel [100]$ и $\mathbf{k} \parallel [010]$). Следствием этого может явиться анизотропия энергетической щели сверхпроводящих купратов, если спариваются носители тока в соседних лентах. Известно [25], что в том же кристалле $\text{Bi}2212$ щель для $\mathbf{k} \parallel [100]$, $[010]$ равна $20 \pm 5 \text{ мэВ}$, а для $\mathbf{k} \parallel [110]$ она равна $5 \pm 5 \text{ мэВ}$. В рамках модели рис.2с это может просто означать, что концентрация носителей тока с $\mathbf{k} \parallel [110]$ (и плотность состояний на уровне Ферми) очень мала.

В заключение вернемся к системе 1-2-3 и заметим, что в предлагаемой модели рис.2b,c максимальная концентрация дырок в расчете на один атом $\text{Cu}(2)$, соответствующая плотной упаковке проводящих лент, равна $1/3$. Если учесть, что в соединении 1-2-3 имеются две плоскости CuO_2 , связанные туннелирующими дырками [26,27], максимальная концентрация дырок получается вдвое меньше ($1/6$), то есть как раз такой, которая соответствует

оптимальному уровню допирования и максимальной критической температуре [28].

Авторы признательны Научному совету по проблеме "Высокотемпературная сверхпроводимость" и Министерству науки и технической политики России за финансовую поддержку работы (проект 91001). М.А.Т. благодарен В.З.Кресину за обсуждение.

1. О.Н.Бахарев, Д.Вагнер, А.Г.Володин и др., Письма в ЖЭТФ **58**, 630 (1993).
2. O.N.Bakharev, A.V.Dooglav, A.V.Egorov, et al., In: Phase Separation in Cuprate Superconductors, Eds. E.Sigmund and K.A.Müller, Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg 1994, p.257.
3. M.A.Teplov, O.N.Bakharev, A.V.Dooglav et al., Physica C**235-240**, 265 (1994).
4. K.Tanabe, S.Kubo, F.Hosseini Teherani et al., Phys. Rev. Lett. **72**, 1537 (1994).
5. O.N.Bakharev, J.Witteveen, H.B.Brom et al., Phys. Rev. B**51**, 693 (1995).
6. M.R.McHenry, B.G.Silbernagel, and J.H.Wernick, Phys. Rev. B**5**, 2958 (1972).
7. J.Klafter and A.Blumen, J. Chem. Phys. **80**, 875 (1984).
8. N.E.Phillips, J.P.Emerson, R.A.Fisher et al., J. Of Supercond. **7**, 251 (1994).
9. M.A.Teplov, O.N.Bakharev, H.B.Brom et al., J. of Supercond. **8**, (1995) (in press).
10. О.Н.Бахарев, Р.Ш.Жданов, А.В.Егоров и др., Письма в ЖЭТФ **47**, 383 (1988).
11. M.V.Eremin and E.Sigmund, Sol. St. Comm. **90**, 795 (1994).
12. А.Абрагам, Б.Блини. Электронный парамагнитный резонанс переходных ионов. М.: Мир, 1972.
13. J.G.Bednorz and K.A.Müller, Z. Phys. B**64**, 189 (1986).
14. B.W.Veal, A.Paulikas, H.You et al., Phys. Rev. B**42**, 6305 (1990); J.D.Jorgensen, S.Pei, P.Lightfoot et al., Physica C**167**, 571 (1990).
15. G.V.Uimin, V.F.Gantmakher, A.M.Neminsky et al., Physica C**102**, 481 (1992).
16. A.Bianconi, Sol. St. Comm. **89**, 933 (1994).
17. H.L.Edwards, A.L.Barr, J.T.Markert, and A.L.de Lozanne, Phys. Rev. Lett. **73**, 1154 (1994).
18. P.Schweiss, W.Reichardt, M.Braden et al., Phys. Rev. B**49**, 1387 (1994).
19. J.Mesot and A.Furrer, Physica C**235-240**, 1639 (1994).
20. V.Hizhnyakov and E.Sigmund, Physica C**156**, 655 (1988).
21. P.G.Baranov and A.G.Badalyan, Sol. St. Comm. **85**, 987 (1993).
22. P.G.Baranov and A.G.Badalyan, In: Phase Separation in Cuprate Superconductors, Eds. E.Sigmund and K.A.Müller, Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, 1994, p. 118.
23. H.A.Hoff, L.E.Toth, M.E.Filipkowski et al., J. of Electr. Mat. **22**, 1241 (1993).
24. P.Aebi, J.Osterwalder, P.Schwaller et al., Phys. Rev. Lett. **72**, 2757 (1994).
25. Z.-X.Shen, D.S.Dessau, B.O.Wells et al., Phys. Rev. Lett. **70**, 1553 (1993).
26. T.H.Hsu and P.W.Anderson, Physica C**162-164**, 1445 (1989).
27. М.В.Еремин, С.Г.Соловьянов, С.В.Варламов и др., Письма в ЖЭТФ **60**, 118 (1994).
28. H.Zhang and H.Sato, Phys. Rev. Lett. **70**, 1697 (1993).